

РАЗДЕЛ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Химик В. В.

Санкт-Петербург, Россия

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ
И РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 811.161.1

Код ВАК 10.02.01; 10.02.20

Аннотация. В статье рассматриваются и связываются две актуальные гуманитарные проблемы современной России: национальная идея и состояние русского языка. Национальной идеей в новых условиях может и должно быть возвышение русского языка, который обеспечивает смыслообразующее, коммуникационное и культурное единство конгломерата народов России. Однако такому возвышению серьезно препятствует состояние живой русской речи, навязывание плохого языкового вкуса средствами масс-медиа и влиянием чиновничества, не продуманная языковая политика.

Ключевые слова: русский язык; национальная идея; российское государство; национальная ценность; нация; этнос.

Сведения об авторе: Химик, Василий Васильевич

Ученая степень, звание: доктор филологических наук, профессор

Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет, факультет филологии и искусств

Должность: профессор, заведующий кафедрой

Контактная информация: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 11, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет филологии и искусств.

E-mail: vvkhimik@mail.ru

Среди множества гуманитарных проблем российского общества последнего десятилетия можно выделить две наиболее заметные и, как может показаться, совершенно не связанные между собой проблемы: поиск **национальной идеи** и состояние **русского языка**.

Что такое национальная идея? Основной элемент содержания этого атрибутивного сочетания – «идея» как особого рода понятие. В традиционном философском представлении идея – это «форма постижения в мысли явлений объективной реальности, включающая в себя сознание цели и проекции дальнейшего познания и практического преобразования мира» [Философский энциклопедический словарь 1983: 201]. Примерно этот же смысл передается и лингвистическим толкованием многозначного слова *идея*, основная семантика которого: «форма отражения внешнего мира, включающая в себя сознание цели и перспективы его дальнейшего познания и практического преобразования... Абсолютная идея...» [Словарь русского языка, Т. 1: 630]. Одно из вторичных лексических значений этого слова реализуется в сочетании **национальная идея**: «мысль, замысел, намерение, план... Идея сохранения и

Khimik V. V.

Saint-Petersburg, Russia

NATIONAL IDEA
AND THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The article considers and connects two pressing problems for the humanities in modern Russia: national idea and the current state of the Russian language. Under the circumstances of today national idea may and should be found in the elevation of the Russian language that guarantees the semantic, communicative and cultural unity of the Russia peoples' conglomeration. However, a significant obstacle for this elevation is the state of Russian everyday speech, bad taste for language that is instilled by mass media and the officials, deficient linguistic policy.

Key words: the Russian language; national idea; Russian state; national value; nation; ethnic entity.

About the author: Khimik, Vassiliy Vassilievich
Academic degree, academic status: doctor of filological sciences, professor

Place of employment: Saint-Petersburg State University, department of philology and art

Position: professor

упрочения мира» [там же: 631]. Иначе говоря, «идея» – это некая абстракция, обобщение, сформировавшееся в результате познания каких-либо множеств, классов реалий и существующих уже в отрыве, в отвлечении от этих реалий, независимо от них. Обычно «идея» представляет собой определенную интеллектуальную ценность, индивидуальную или коллективную, а также некоторую перспективу развития, план, замысел.

Дифференцирующее определение **национальная** вносит в понятие «идея» функционально-адресное расширение и смысловое уточнение: не всякая идея, а приобретающая большой масштаб, всеохватывающую ценность. При этом «национальная» может пониматься двояко: в этническом смысле (например, русская идея, в отличие от татарской, или, допустим, французской идеи) или в политическом, государственном смысле, т.е. относящаяся ко всему народу, ко всей стране, независимо от состава различных этносов в ней, например, российская идея – идея, распространяющаяся на всех россиян. И в том и в другом случае, **национальная идея** – это идея не индивидуумов, не группы лиц, не какой-либо партии, а целого этноса или всего народа, всей страны. В этом, однако,

кроется и самая большая сложность, противоречивость и даже опасность понятия «национальная идея». С одной стороны, страна всегда испытывает потребность в каком-то всеобщем вербализованном представлении, замысле или лозунге с притязанием на всеобщность, на выражение сплачивающего всенародного единства. Распространение и популяризация такой идеи, представления или доступного лозунга должно как будто бы помочь стабилизировать политическую ситуацию в России, объединить расколотое посткоммунистической ситуацией общество и сосредоточить его на общих продуктивных целях, хотя бы гуманитарных. Для переходных и не вполне устойчивых государственно-политических образований, к числу которых, несомненно, все еще принадлежит Россия, национальная идея нужна еще и как идеологическая доктрина, которая позволила бы объединить общество в его стремлении к благополучному и перспективному существованию.

Но с другой стороны, крайне трудно представить какую-либо плодотворную национальную идею, объединяющую идеологическую доктрину в условиях социального, экономического, этнического разобщения народа постперестройкой России. «Одна из трудноразрешимых проблем сегодняшней России, – считает известный писатель А. М. Мелихов, – отсутствие сколько-нибудь общепризнанного воодушевляющего ее образа, коллективной грэзы, которая не была бы опасна для нее самой и окружающего мира. Грэзы, которая порождала бы гордость <...> за свою страну, порождала бы готовность переносить какие-то тяготы ради ее будущего и не порождала бы внешнюю агрессию и внутренний деспотизм» [Мелихов 2004]. Понятно, что такая «коллективная грэза», доктрина или национальная идея, не может быть в современном обществе ни национально-этнической, ни религиозной, ни идеологической в узко партийном смысле. Любой выбор вызовет закономерное сопротивление представителей **других** этносов, **других** религий (тем более атеистов) и **других** идеологий, а значит, рано или поздно приведет к социальному взрыву (как это и произошло в России в 1917 году).

Только в условиях полного игнорирования инородцев и иноверцев можно было представить для полигэтнической Российской империи XIX столетия национальную *русскую идею* в виде «трех действующих сил: духовного авторитета вселенского первосвященника <...>, светской власти национального государя <...> и человеческого общества в целом», которые могли представлять собой «органическое единство социальной троицы <...> церковь, государство и общество» [Соловьев 1989: 244-246]. И эти «действующие силы», как известно, стали затем по инициативе министра народного просвещения России С. С. Уварова основой для формирования и провозглашения государственно-идеологического лозунга середины XIX столетия: «православие – самодержавие – народность».

Только в условиях полного запрета любых идеологий, кроме коммунистической, и жестокого преследования инакомыслящих в тоталитарном советском государстве XX века могли выдвигаться такие партийно-государственные идеи-лозунги, как: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Победа всемирной пролетарской революции», «Наша цель – коммунизм» и т.п. Надо отдать должное коммунистическим идеологам: они сумели сформировать в сознании значительной части народа Советского Союза идеализированный и мифологизированный образ собственной страны как «самой большой и сильной» (еще одна партийно-государственная идея). При этом власти не без некоторого лицемерия провозглашали еще и другую «национальную идею»: «Мы за мир во всем мире!», что вполне отвечало чаяниям уставшего от войн народа: «...лишь бы не было войны!».

В истории русской философской мысли понятие национальной идеи часто строилось на представлениях о национальном менталитете, «национальной душе». Однако глубинный анализ сущности «русской души» не дал при этом «водоудушающих образов», которые могли бы стать источником всеобщего вдохновения и гордости за страну и народ. Так, Вяч. В. Иванов в поисках «окончательной формы нашей всенародной души» обратил внимание на глубинную противоречивость «русского духа»: «подсознательное противодействие интегрирующих сил и тяготение к восстановлению единства разделенных энергий» [Иванов 1909: 232]. Ту же антиномичность, противоречивость «души России» отмечали на протяжении всего XIX столетия многие отечественные мыслители: от П. Я. Чаадаева до Н. А. Бердяева. Последний писал, что в отношении к государству – Россия «самая безгосударственная, самая анархичная страна в мире, и русский народ – самый аполитический народ», но в то же время «Россия – самая государственная и самая бюрократическая страна в мире»; в отношении к национальности – «Россия самая не шовинистическая страна в мире, национализм у нас всегда производит впечатление чего-то нерусского, наносного», и в то же время «Россия – самая националистическая страна в мире, страна невиданных эксцессов национализма <...>. Загадочную антиномичность можно проследить в России во всем. Можно установить неисчислимое количество тезисов и антитезисов о русском национальном характере» [Бердяев 1915: 298-302]. Понятно, что двойственность и антиномичность вряд ли могли стать основой для общественно приемлемой и привлекательной формулировки понятия русского духа, для положительного вербализованного представления, «всеобщей грэзы», которая могла бы сплачивать народ. Поэтому отечественные мыслители искали и другие пути определения национальной идеи, в том числе социально-психологические ментальные образы с оттенком некоторого мистицизма. Тот же

Н. А. Бердяев выделял такие универсальные качества национального духа, несомненно льстящие его носителю, как особая «русская душевность, жертвенность» [Бердяев 1915: 311–312]. Другой известный русский философ, И. А. Ильин, выработал хотя и красивую, но еще более абстрактную, аморфную, а потому совсем бесперспективную для массового сознания формулировку национальной русской идеи как «свободно и предметно созерцающую любовь и определяющуюся этим жизнь и культуру» [Ильин 1948: 439].

Кажется, ближе всего к достижению каких-то положительных результатов в поиске национальной идеи, которая «порождала бы гордость <...> за свою страну, порождала бы готовность переносить какие-то тяготы ради ее будущего и не порождала бы внешнюю агрессию и внутренний деспотизм» [Мелихов 2006], оказываются современные прагматики, прежде всего экономисты. В самом деле, что может быть привлекательнее для народа, чем всеобщее материальное благосостояние, достаток? Впрочем, коммунистическая идеология «отработала» эту идею, вспомним ошеломляющее обещание XXII съезда КПСС – «Наше поколение будет жить при коммунизме!» – и связанные с ним материальные ожидания 1960-х гг.

В «Старых записях» писателя М. Вайнера, опубликованных в журнале «Звезда» (2008, № 4), есть любопытный эпизод, иллюстрирующий этот популярный миф советского времени в массовом сознании простого человека:

Тетка <...> по-прежнему голосила, но уже со словами:

– Ой, дочь у меня на операции. Грудь отнимают. Ой, не будет она жить! Восемнадцать ей. Родила только. Девочку родила. Три месяца ей. Ей, внучке моей, вот яблоки везу. Витамины. Ой, господи, ой, господи!

– Чего разревелась? – опять вступила офицерская жена. – Грудь отрежут – не умрет. Сто лет жить будет, до коммунизма.

– Это чё ж, еще сто лет коммунизма не будет? – опешила ветеринара.

Но даже если и можно было бы рассчитывать на будущее всеобщее благосостояние «при коммунизме», то где гарантия, что всех могла бы устроить разная мера этого благосостояния, разный уровень достатка «доживших до коммунизма». Не может же быть национальной идеей всеобщее материальное равенство, ибо и это тоже, как показала история, тупиковый путь формирования массового сознания.

Гораздо более трезвым видится призыв некоторых политиков ориентироваться на достижение конкурентоспособности страны – достойная и в перспективе, может быть, реалистичная идея как экономическая цель. Но где же здесь «чарующие черты прекрасной грэзы», как выразился А. М. Мелихов, как совместить эту политэкономическую установку с «духовностью» и «созерцательностью», которые традиционно припи-

зывают русским и вообще россиянам? «Конкурентоспособность» для среднего россиянина – скучный экономический термин, за которым трудно увидеть предмет всеобщей гордости, «коллективный фантом, воодушевляющий образ». Даже в элементарном ее понимании – «чем мы хуже других?» – «конкурентоспособность» никак не может быть долговременным (а еще лучше бы вечным) предметом национальной гордости, а тем более объектом эстетической фантазии.

Итак, ни этническая, ни религиозная, ни идеологическая, ни экономическая составляющие не могут быть надежными источниками реальной национальной идеи, воодушевляющего коллективного замысла, всенародной грэзы. Тогда, может быть, для такой страны, как Россия, и для такого народа, как россияне, национальная идея невозможна и не нужна? Может быть, все гораздо проще, и нужно всего лишь «поправить свои заборы и не мочиться в подъезде»¹, как не без сарказма заметил один политик. Но и для решения проблемы с «заборами и подъездами» в России необходимо всеобщее вдохновение, воодушевляющий образ. Видимо, в условиях разобщения и раскола народа национальная идея все-таки нужна². И, кажется, самым надежным основанием для культурного единения, для консолидации и взаимопонимания в России мог бы быть всеобщий язык россиян – русский язык. Но почему язык, почему русский и в чем здесь может заключаться объединительная национальная идея?

II

Смыслообразующее единство всякого народа, единство бытовых, хозяйственных, правовых и, шире, культурных и коммуникационных представлений всякого государственного образования обеспечивается общим языком. Единая система привычных и понятных обозначений, словесных знаков, речевых эмоциональных проявлений, совокупность прецедентных текстов, возможность понимать и быть понимаемым окружающими, способность свободно воспринимать и создавать элементарные тексты – вот базовое (хотя и не исчерпывающее) условие существования и взаимодействия народов даже с определенными культурными различиями. На территории Российской Федерации (и даже отчасти бывшего СССР) таким общим языком, единой системой массовой речевой коммуникации, главным средством межэтнического общения был и до сих пор остается русский язык.

Но нет ли здесь ущемления языковых прав и надежд других народов России?

Русский язык (именно язык, а не его коренные носители!) никогда в бурной истории России

¹ В оригинале призыв звучит гораздо более резко и откровенно, см.: <http://supernew.ej.ru/00-/life/grob/index.html> 13.11.2001.

² С этим в целом согласились и многие участники Шестых Максимовских чтений: «Национальная идея: утопия или реальность, средство или цель?», состоявшихся 17–18 ноября 2005 г. в солженицынском Фонде “Русское Зарубежье” (Континент. 2006, №128 // magazines.russ.ru/continent/2006/128/shes9.html).

вообще и последних 10-15 лет в особенности не был объектом серьезных шовинистических акций. Даже самые агрессивные сепаратисты и националисты нового времени из некоторых российских регионов, как правило, очень неплохо владеют разговорным русским языком. Русский язык в России (иное дело за рубежом, на Украине или в республиках Прибалтики, но это особый вопрос) тем самым оказывается как бы вне политики или над ней: никакие оппозиционные этнические силы внутри страны до сих не предъявляли каких-либо серьезных претензий в связи с собственно русским языком и его использованием. Более того, только и именно с помощью русского языка решались и по-прежнему решаются те или иные межнациональные споры.

Вполне положительное, а порой и уважительно-благодарное отношение к русскому языку проявляют рядовые представители национальных российских регионов. Об этом свидетельствуют, например, тексты конкурсных сочинений-эссе на тему «Русский язык как ключ к профессиональному и творческому успеху», присыпавшиеся в Санкт-Петербург школьниками из Осетии, Мордовии, Чувашии, Башкирии и других республик для участия во Всероссийском фестивале русского языка в 2007 году³. В этих эссе их юные авторы пишут о своем особом интересе к русскому языку, о его решающей роли в их культурной жизни и в будущем профессиональном выборе, о любви к русской художественной литературе. Можно, конечно, предположить, что здесь действуют определенные стереотипы нашего пока еще не до конца разрушенного школьного гуманитарного образования, привычные жанровые клише школьных сочинений. Но можно рассудить и иначе: если бы эти признания категорически противоречили действительным чувствам и представлениям осетинских, башкирских, марийских и других школьников, они бы о них не писали, а то и просто не присыпали бы свои сочинения на данную тему, не проявляли бы интерес к Фестивалю русского языка.

В российской культурной традиции был и остается широко распространенным известный социокультурный феномен: очень многие носители русского языка называют его вторым родным языком, т.е. не просто вторым, а именно *родным* – в дополнение к марийскому, татарскому, ингушскому, украинскому или какому-то другому. Это особая часть для неродного языка, его особый национальный статус, который, несомненно, оказывается серьезным доводом в пользу представления русского языка в качестве серьезной объединительной силы в России.

Феномен русского языка выражается и в удивительном явлении «присвоения» русского языка

³ Фестивали русского языка в последние годы проводит РОПРЯЛ (Российское общество преподавателей русского языка и литературы) и Филологический факультет СПбГУ. С подробностями можно познакомиться на сайте Roprial.ru.

представителями других этнических культур. Так, казах Х. Булибеков высказывает: «Когда меня спрашивают о моей национальности, то я говорю, что я – евразиец. Я успокоил себя тем, что русский язык когда-то был на семьдесят процентов тюркским. И я разговариваю и пишу на современном латинизированном и англизированном тюркском языке, которым и является, по сути, русский язык сегодня»⁴. Не стоит, очевидно, подходить к такой оценке со строгих исторических и лингвистических позиций. Гораздо продуктивнее взглянуть на этот вопрос с социокультурной точки зрения: носитель другой типологической и генеалогической языковой системы воспринимает русский язык как *свой*. Именно этот подход к русскому языку и стоит культивировать если не на всем постсоветском языковом пространстве, то на российском – несомненно⁵. Пусть всякий ищет и находит в русском языке то, что близко его культурному и этническому представлению: тюркизмы, греческие, церковнославянские, исторические следы монгольского, финно-угорского и разного западного влияния – всего этого в русском языке и в русской культуре, действительно, предостаточно, и все это может и должно служить не разобщению, а сближению культур и этносов в едином культурно-политическом пространстве русского языка как общего достояния всех россиян, а возможно, и других народов. Русский язык – это своеобразное лингвокультурологическое зеркало, в котором каждый может найти «чарующие лично его черты», будь он язычником, православным, иудеем или мусульманином, природным славянофилом или западником, социалистом или рыночником, созерцающим романтиком или суральным прагматиком. В то же время русский язык невозможно представить без русской литературы – важнейшей формы существования и культурного воплощения русского языка. Русская литература и язык этой литературы пользуются, как известно,уважением в мире и, возможно, даже большим, чем сами носители нашего языка и наша страна.

Итак, если руководствоваться представлением о том, что русский язык **обеспечивает смыслообразующее, коммуникационное и культурное единство** конгломерата народов России, что он представляет тем самым коллективную ценность, интеллектуальную и культурную, то, возможно, именно он и является основой для национальной идеи, хотя и еще не самой

⁴ С писателем Хакимом Булибековым беседовала Л. Калаус. См. текст «Выше Поэта никого нет!»: «Книголюб». Казахстанское книжное обозрение. Гл. ред. Л. Калаус. Алма-Ата, 2005, № 7-8. <www.knigolyub.kz>.

⁵ Разумеется, в условиях свободного развития других этнических языков России и при отсутствии принуждения, насилиственного распространения русского языка как единственного и обязательного для всех сфер социальной деятельности, что, кстати, декларируется в законах «О языках народов Российской Федерации...» (№ 1807-1 от 25.10.1991) и «О государственном языке Российской Федерации» (№ 53-ФЗ от 1.06.2005).

идеей. Идея же, как отмечалось в начале статьи, это «сознание цели и перспективы», а национальная идея – это осознание коллективной цели, общественного замысла. Очевидно, такая потребность в объединительной «коллективной грезе» была у России на всем протяжении XIX века, и одной из таких идей было представление о русском языке как особенном явлении не только русской, но и мировой культуры. А приучили к этому, ставшему уже привычным для нас романтическому представлению один за другим известные русские мыслители и художники слова: русский язык – это особый язык, который «...ни единому европейскому языку не уступает» (М. В. Ломоносов), а напротив, «имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими» (А. С. Пушкин); русский язык – «великий и могучий... и дан великому народу» (И. С. Тургенев); и «нет слова, которое <...> так вырывалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово» (Н. В. Гоголь).

И опять, как и в одном из предыдущих аргументов, не следует относиться к словам наших великих предшественников с исключительно научных лингвистических позиций, оценивая типологические, генеалогические, семиологические и иные качества русского языка: русский язык, разумеется, не превосходит все другие языки мира по своим достоинствам, но при этом отнюдь и не уступает им. Дело не в этом, дело в **достоинствах русского языка для русской культуры** и в несомненной его **пользе для других национальных культур и языков России**. Ни один другой язык не может заменить русский в этой его культурно-исторической объединительной функции. В этом, очевидно, и заключается особая роль русского языка, его воодушевляющая перспектива и всенародная греза. Но эта перспектива, к сожалению, не так уж безоблачна, а всенародная греза не столь радужна, как это могло до сих пор казаться. С русским языком как основным средством всеобщей коммуникации связан целый ряд серьезных проблем⁶, многие из которых могли бы стать коллективным «замыслом дальнейшего познания и практического преобразования мира» [Философский энциклопедический словарь 1983: 201], т.е. составить определенный план реализации национальной идеи России через ее язык и культуру речевого общения.

III

Рубеж двух столетий отмечен обостренным вниманием российской общественности к русскому языку. Можно сказать, что на протяжении нескольких лет русский язык был одной из излюбленных тем обсуждения широкой общественности. О состоянии языка и речи писали и говорили, в меру своей компетенции, журналисты и политики, общественные деятели и писатели, ученые и

⁶ См. об этих проблемах нашу статью «Болезнь языка или язык болезни» во 2-ом выпуске сборника: Современная русская речь... [Химик 2006: 47-74].

педагоги, да и просто рядовые носители русского языка⁷. В средствах массовой информации и в специальной литературе последнего десятилетия периодически возникали, да и сейчас еще время от времени обсуждаются самые разные темы, посвященные языку: «сохранение русского языка», «порча и гибель русского языка», «засилье иностранных слов», «сквернословие в публичной речи», «речевая культура депутатов», «грамотность населения», «реформа орфографии» (наивно представлявшаяся как «реформа русского языка»), «закон о государственном языке», «изучение русского языка в средней школе», «русский язык за рубежом», «обучение русскому языку иммигрантов» и т. д. и т. п. В ряде газет появились специальные рубрики типа «Поговорим о языке», «Наш язык», «Русская речь», «Давайте говорить правильно». Передачи о русском языке завели было и многие крупные радиостанции: радио «Маяк» («Грамотей»), «Радио Россия» («С русского на русский, или Как сказать»), «Эхо Москвы» («Говорим по-русски», «Как правильно»). Издательство «Филологический факультет» Санкт-Петербургского государственного университета опубликовало большую серию популярных карманных словарей «Давайте говорить правильно» (более 20 выпусков). В Интернете стали действовать специальные языковые порталы: Gramota.ru, Gramma.ru, Ropryal.ru, Ruthenia.ru, Verba2007.ru и другие, созданы «Национальный корпус русского языка» [www.ruscorpora.ru/] и Национальный корпус русского литературного языка [www.narusco.ru/], активно предлагаются к использованию обширные сетевые собрания словарей русского языка [www.rubricon.com, www.slovari.ru, www.lsw.ru и др.]. Более того, насущными проблемами русского языка стали интересоваться «толстые» литературные журналы: в «Знамени» в 2006-2007 г. действовала специальная рубрика «Родная речь», где были опубликованы дискуссионные очерки М. Эпштейна, М. Арапова, И. Милославского и др. авторов. «Отечественные записки», издание для «медленного чтения», подготовили в 2005 г. специальный выпуск (№ 2), посвященный проблемам русского языка (статьи А. Шмелева, М. Кронгауза, В. Беликова и др.). Апофеозом внимания к русскому языку и русской речи должно было стать и официально-государственное внимание к проблеме: 2007 год в России был объявлен Годом русского языка, который и начался пышными празднованиями в... Париже.

Но миновал 2007 год, близок к концу 2008, российский официоз давно переключился на другие вопросы. Постепенно потеряли былой интерес к проблемам функционирования русского

⁷ Этот массовый и нередко творческий народный интерес к своему языку получил даже собственную научную номинацию – «стихийная лингвистика» – и стал предметом специального изучения профессионалами, см.: [Булыгина, Шмелев 2000: 9-17], [Вепрева 2002].

языка журналисты, поубавился пыл дискуссий о «гибели русского языка» у активной российской общественности, одна за другой прекратили свое существование многие регулярные передачи о родной речи на большинстве крупных радиостанций, реже стали писать о языке и «толстые» журналы. Как это обычно у нас бывает, важное дело начато и брошено, не доведено до конца. Очередная кампания закончилась без видимых результатов и достижений, и момент оказался упущен: русский язык не стал признанной общенациональной идеей, общество не воспользовалось потенциалом русского языка для культурного единения, сплочения и созидания.

Между тем русский язык, русская речевая культура пребывают сейчас в крайне трудных условиях фактического пренебрежения, отсутствия неформальной поддержки властей и деятельного уважения со стороны его массового носителя, или, как сейчас говорят, «пользователя». Формально, на словах, всякий россиянин гордится своим «великим и могучим», полагая, очевидно, что он, как и благодатная природа России, все стерпит и все переживет. Действительно, стерпит и переживает, как справедливо замечают многие лингвисты [см. Карапулов 2000; Шмелев 2005], но не утратит ли свою объединительную и ценностную роль для широкого круга носителей?

В последнее время, как раз начиная именно с «года русского языка», средства массовой информации, прежде всего радио и телевидение, увлеклись новыми формами интенсивного вещания, строящегося на имитации фатической речи, или бытового «общения ради общения» [Русская речь в СМИ 2007: 125-143], которое теперь активно переносится в публичную сферу и, как предполагается, «отражает реальную жизнь», вовлекая слушателя в легкий, спонтанный разговор. Первоначально небольшие круглосуточные FM-радиостанции, а затем и крупные каналы СМИ сформировали особый тип социального речевого поведения и, соответственно, особый тип «модельной языковой личности», стандартизованного шоумена-ведущего нового типа [см. Карасик 2003], использующего навыки гиперактивного фатического общения «без комплексов».

Так, популярный ведущий крупнейшей в России радиостанции в процессе многочасового вещания 29 января 2008 г. ясно сформулировал и несколько раз публично повторил принцип и цель работы «продвинутого» радиожурналиста следующим образом: «Забить эфир и получить бабло!». Другой известный и популярный телеведущий, человек с гуманитарным университетским образованием, в живом эфире легко вступает в диалог такого типа: «Насколько вы понтовый человек?», «Я? Понты понтам рознь!». Далее беседа переключается на актуальную тему – об автомобилях, и образованный телеведущий глубокомысленно изрекает: «Старым <...> наступает хана... Старые машины не канают...». И всё это не случайные оговорки. Бойкий и развяз-

ный теле- радиоведущий нового типа регулярно, легко и непринужденно бросается словечками типа: *ни фига!* *супер!* *прикольно,* *в шоколаде,* *отпад,* *стёбный,* *кайфуем* и др.

Но переключим канал и послушаем русскую речь другой радиостанции, популярной среди либеральной интеллигенции. 10 марта 2008 г., 9.20 утра, профессиональный ведущий скороговоркой сообщает о нарастающем финансовом кризисе и тут же вальяжно успокаивает: «*Ну, у них там кризисы, а мы с вами сейчас послушаем музычку*». Звучит... голос Эдит Пиаф. Всё утро ведущий навязчиво педалирует словцо *музычка* и в паузах между «музычкой» (Эдит Пиаф!) одну за другой *пробалтывает* (именно так!) животрепещущие темы дня: о православной вере, о достоинствах и недостатках корейцев (корейских автомобилей), о целительных качествах минеральной воды, о ценах на продукты, о мобильных телефонах и т. п.

Такой «великий и могучий» предлагают звучащие СМИ массовому слушателю. И слушатель, по крайней мере молодой, охотно принимает эту сниженную, часто вульгарную, деструктивную, т.е. бытовую по форме, но публичную и в известном смысле официальную, звучащую речь, принимает как **образец для подражания**. Результат не заставляет себя ждать. Весной уходящего года в эфире еще одной крупнейшей радиостанции теперь уже не ведущий, а школьница в ответ на вопрос журналиста о первом опыте сдачи ЕГЭ («Единого государственного экзамена») весело рассказывает о своих впечатлениях: «Хотя я как бы и не ботаник, но экзамен легкий, мне понравилось, было очень *прикольно, ха-ха-ха!*».

Но сниженная жаргонизированная речь в публичной коммуникации СМИ не самое страшное. В конце концов, многие лексические и семантические новации разговорно-литературного языка выросли из субстандартных форм речи. Хуже другое: приметой публичного вещания в СМИ стала словесная шелуха, речевая эквилибристика, ориентированная прежде всего на «прикольность», как выражается молодежь, а в угоду ей и немолодой, но типизированный теле- радиоведущий нового времени. Бесконечный «трёп» и «стёб» стали, кажется, самоцелью спонтанного и, как правило, агрессивного в этой смысловой облегченности радиовещания. Имитируя бытовое общение, стандартизованный шоумен-ведущий нового типа не заботится о форме и содержании речи, публично дискредитирует язык, и неискушенный массовый потребитель такого вещания окончательно лишается образцов хорошего русского языка, а значит, и хорошей русской речи, в которой только и может выражаться, формулироваться и жить мысль.

Впрочем, дискредитация хорошей русской речи происходит и с другой стороны. Мощное воздействие на публичную речевую коммуникацию оказывает власть и чиновничье-бюрократический язык. Если прежде это были в основном

проявления неоправданного «завышения стиля» с помощью канцеляриста в неофициальном общении малообразованных говорящих (типа *Прогулка в зелёный массив; Заострить вопрос насчет женитьбы; В кафе можно хорошо покушать при наличии средств⁸*) или некоторое навязывание партийного новояза, то теперь можно говорить о мощном влиянии на русский язык новых реалий чиновниче-бюрократической речи, наполненной, с одной стороны, бюрократическими жаргонизмами, а с другой, сниженными и фамильярными словами и оборотами, притом не только в устных, но и письменных текстах: *оборонка, пищевка, нобелевка; поиметь кого-л., сделать втык, задействовать кого-л. в чем-л., прописать в документе что-л.* и т.п. Элементы официально-деловой речи чиновников разного уровня стали легко перетекать в массовое публичное и обиходное общение, и вот мы уже слышим, читаем и воспринимаем как привычные обороты типа: *пересечься после работы, изложить конкретику, проговорить наработки по соцталке, отслеживать нарушения; в университете теперь предлагаются платникам проплатить обучение, рассказывают, что у студентов с учёбой наблюдается прогресс; молодая мать может трогательно сообщить, что у ее ребенка наметились подвижки с развитием; юноша по мобильному телефону обещает своей маме отзвониться, когда приедет на вокзал, а популярная газета выражает намерение озвучить на своих страницах важную новость.*

В качестве ключевой фигуры современной жизни, не только экономической, но и культурной, все активно утверждается еще одна модельная языковая личность, еще один типизированный субъект набирающего большую силу бюрократического дискурса: чиновник (начальник, управленец, менеджер...). Типизированная языковая личность **чиновника**, который публично озвучивает установку, выражает озабоченности по части пробуксовки распоряжения, обещает однократно продавить в верхах состыковку проекта и прописать его в годовом бюджете, начинает активно проявлять себя во всех сферах российской культуры и общественной жизни⁹. Новый российский чиновник-менеджер стремится решать все вопросы, включая лингвистические. В результате оказывается, например, что наши граждане учатся или работают, например, не в Санкт-Петербургском государственном университете, а в «Федеральном государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования “Санкт-Петербургский государственный университет». (Желающие могут

⁸ Подробно об этом писал в свое время еще К. И. Чуковский [Чуковский 1968].

⁹ Известный литературный критик Н. Б. Иванова в телепередаче «Культурная революция» категорично, но совершенно справедливо заметила, что «искусство кино умерло, потому что на место творца пришел менеджер, он пришел в книгопечать, в науку, в педагогику...» (24.04.2008).

легко подставить: «Московский...», «Воронежский...», «Уральский...» и т.п.). Нелепую, перегруженную ненужными повторами и вариациями тяжеловесную номинацию придумали чиновники, и они же спустили ее для обязательного официального употребления. Можно быть вполне уверенным, что «изобретатели» не обращались за консультациями к ученым-лингвистам, независимым специалистам по терминологической номинации инеймингу. Конкретный результат такой языковой инициативы не заставил себя ждать и в живой речи: в передаче «Радио Россия» простая школьная учительница взволнованно рассказывает слушателям о том, какой хороший коллектив «в нашем среднем образовательном учреждении № 81, и в других образовательных учреждениях Санкт-Петербурга тоже...» (раньше, вероятно, сказала бы: «в нашей средней школе»). Кажется, случай безобидный, но это показательный пример искусственного навязывания бюрократического клише, клишированной речи, клишированного сознания. Примеров такого рода омертвляющего влияния государственной бюрократической машины на живую русскую речь, на авторитет русского языка, в конечном счете, и на судьбу национального языка, можно привести множество¹⁰. И за большинством таких примеров можно обнаружить непонимание природы национального языка, бедность публичной русской речи, массовое невладение стилистическими ресурсами языка и речи, и, шире, весьма распространенное неумение говорить, порождать связные тексты. И в этой языковой ситуации публичные речевые вольности чиновников высокого ранга (типа *мочить в сортире, жевать сопли, схватить за одно место, кошмарить бизнес* и т.п.) отнюдь не способствуют популярности русского языка, возведению национальной речевой культуры, которая должна обеспечивать единство народов России.

Новое поколение, воспитанное почти исключительно на фатических речевых имитациях, которые «означает» современный ведущий-шоумен и которые обрушаются на потребителя с телезрекана и из радиоэфира передачами типа «За стеклом», «Без комплексов», «Дом-2», «Блондинка в шоколаде» и т.п., в состоянии общаться исключительно клишированными блоками, жаргонизированными фразами и междометными оборотами, которые воспринимаются как нормативные! Ситуация начинает приобретать формы национальной трагедии: носитель русско-

¹⁰ Характерный пример – недавнее новшество Министерства образования и науки РФ, фактически исключившее русский язык из числа учебных дисциплин для иностранных аспирантов, которые теперь будут сдавать в качестве экзамена кандидатского минимума не русский язык – язык страны обучения, язык научной диссертации, а любой другой иностранный, прежде всего английский (Приказ Минобрнауки России № 274 от 06.10.2007). А это уже реальное противодействие не только здравому смыслу, но и национальной идеи, национальному русскому языку, престижу России. Понимают ли это чиновники?

го языка в массе своей не умеет адекватно выражать мысли на родном языке в устной и тем более в письменной форме¹¹. Не говоря уже о столь же массовом неразличении стилей, речевых жанров и пренебрежении орфографией.

Что же делать? Думается, есть только один путь, одна задача: обратить внимание на наше главное достояние, попытаться сделать русский язык ведущей национальной идеей России. И это необходимо сделать не только для природных носителей русского языка как родного. Русский язык может и должен стать **возвышающей национальной идеей** для всех говорящих по-русски, для конгломерата всех народов России.

Как это сделать, каким образом? Ответ и прост, и чрезвычайно сложен одновременно: необходимо реальное и официальное **возведение русского языка в общенациональную ценность**. А для этого абсолютно недостаточно формальных мер, которые уже принимались: объявление «Года русского языка», учреждение закона о государственном языке, введение ограничений на использование иностранных языков в городской рекламе, требование соблюдать правил русской орфографии. Нужно гораздо большее и существенное: нужна широкая и постоянная пропаганда истинных ценностей национальной культуры, связанных с русским языком. Нужна длительная, планомерная и, очевидно, долгостоящая пропаганда русского языка. В средствах массовой информации должна звучать такая русская речь, которая могла бы служить **образцом** для массового слушателя. Нужны реальные меры по изучению и совершенствованию изучения русского языка и хорошей русской речи на всех уровнях: в школе, в вузах в качестве обязательного курса культуры речи, а также на доступных курсах по разным аспектам языка и речи для россиян и иностранцев. Нужен особый статус **учителя русского языка** в России и за ее рубежами. Нужна пропаганда **хорошей русской речи** как выражения достоинства любой личности, любого должностного лица, любого средства массовой информации, любого публичного текста в письменной или устной форме. Нужны, очевидно, и масштабные формы публичного признания и поощрения – государственные и общественные премии, звания, награды – за хорошую русскую речь, за умение точно и достойно выражать мысль на хорошем русском языке.

ЛИТЕРАТУРА:

Арапов 2006: Арапов М. Наш великий и могучий... // Знамя. – 2006. – № 2. – С. 163-184.

Беликов 2995: Беликов В. И. Национальная идея и культура речи // Отечественные записки. – 2005. – № 2.

Бердяев 1915: Бердяев Н. А. Душа России. 1915 // Русская идея / Сост. М. А. Маслин. – М., 1992. – С. 295-312.

¹¹ См., например, «тексты» на многочисленных форумах и чатах в Интернете.

Булыгина, Шмелев 2000: Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. «Стихийная лингвистика» (folk linguistics) // Русский язык сегодня. Вып. 1. Сб. статей / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова / Отв. ред. Л. П. Крысин. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 9-18.

Вепрева 2003: Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2003.

Иванов 1909: Иванов Вяч. В. О русской идее. 1909 // Русская идея / Сост. М. А. Маслин. – М., 1992. – С. 226-240.

Ильин 1948: Ильин И. А. О русской идее. 1948 // Русская идея / Сост. М. А. Маслин. – М., 1992. – С. 436-443.

Карасик 2003: Карасик В. И. Речевое поведение и типы языковых личностей // Массовая культура на рубеже XX-XXI вв.: Человек и его дискурс: Сб. науч. трудов. – М., 2003.

Караулов 2000: Караулов А. Н. Культура речи и языковая критика // Русский язык в эфире: Проблемы и пути их решения. Материалы круглого стола. Москва, 14 ноября 2000 г. // www.gramota.ru/rlefir.html?p10.htm (дата обращения: 18.07.2008).

Словарь русского языка: Словарь русского языка: В 4 т. Т. I-IV. – М., 1981-1984.

Мелихов 2006: Мелихов А. М. Национальная идея – возрождение национальной аристократии // Нева. – 2006. – № 5.

Мелихов 2004: Мелихов А. М. Состязание технологий и состязание грез // Дружба народов. – 2004. – № 5.

Милославский 2006: Милославский И. Русский язык как культурная и интеллектуальная ценность и как школьный предмет // Знамя. – 2006. – № 3. – С. 151-164.

Русская речь в СМИ 2007: Русская речь в средствах массовой информации: Стилистический аспект / Под ред. В. И. Конькова. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007.

Соловьев 1989: Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. Т. 2. – М., 1989.

Федеральный закон... 2005: Федеральный закон № 53-ФЗ. «О государственном языке Российской Федерации» (25 мая 2005 г.) // Мир русского слова. – 2005. – № 1-2. – С. 5-8.

Философский энциклопедический словарь. – М., 1983.

Химик 2006: Химик В. В. Болезнь языка или язык болезни // Современная русская речь: состояние и функционирование. Выпуск II: Сборник аналитических материалов / Под ред. С. И. Богданова, Н. О. Рогожиной, Е. Е. Юркова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. – С. 148-150.

Чуковский 1968: Чуковский К. И. От двух до пяти. Живой как жизнь. – М., 1968.

Шмелев 2005: Шмелев А. Д. Ложная тревога и подлинная беда // Отечественные записки. – 2005. – № 2.

Эпштейн 2006: Эпштейн М. Русский язык в свете творческой филологии разыскания // Знамя. – 2006. – № 1. – С. 192-207.

© Химик В. В., 2008